

— Через неделю, 5-го мая, я уже снова был в ИЗМИРАНе. Забрал в Институте спектроскопии отэренные экземпляры своей диссертации и отправился с одним из них к Марсу Нургалиевичу.

— Вот, Марс, принёс тебе свой труд. Может, напишешь отзыв для секции?

— А когда секция?

— 19-го мая.

— Сегодня пятое? За две недели не смогу, у меня дел по горло.

— А ты так и не посмотрел диссертацию, пока она у Беньковой была? Я её для вас обоих оставлял, вы же рядом сидите.

— Нет, не смотрел. Некогда было.

— Ну, ладно. А к июньской секции сможешь отзыв написать?

— Оставляй работу, посмотрим.

— Я оставил ему один экземпляр и отправился с другим в Москву, в ИПГ (Институт Прикладной Геофизики) к Иванову-Холодному. Предварительно я позвонил ему по телефону и обратился с просьбой прочесть работу и дать отзыв для секции Учёного Совета (членом которого Холодный являлся будучи сотрудником другого института - ИПГ, принадлежавшего не Академии Наук, как ИЗМИРАН, а гидрометеослужбе, тогда ещё не преобразованной, кажется, в Госкомгидромет). Единственное, что Иванов-Холодный спросил меня тогда по телефону, это - к какому сроку нужен отзыв. Я ответил - к середине июня.

— Хорошо. Привозите диссертацию, - согласился Иванов-Холодный.

— Мы встретились с ним в вестибюле ИПГ. Я выложил диссертацию. Иванов-Холодный полистал её и спросил:

— А почему Вы ко мне именно обращаетесь и что Вы, собственно, от меня хотите?

— Мне к Вам рекомендовал обратиться Лев Алексеевич Лобачевский, председатель нашей секции, да и другие советовали. Хотелось бы знать Ваше мнение о работе, если можно, в форме отзыва для секции, а в будущем, может быть, Вы согласились бы оппонировать?

— Гор Семёнович поизучал меня испытующим взглядом.

— Ну, хорошо, я посмотрю.

— Может, Вы вместе с Михайловым разберёте работу? - добавил я, имея, в сущности, в виду, что его ученик Андрей Михайлов более компетентен в математическом моделировании.

— Если Вам нужен отзыв Михайлова, так Вы к нему и обращайтесь, - недовольно отреагировал на моё добавление Иванов-Холодный.

— Нет, нет, Гор Семёнович, - спешно заверил я его. - Мне именно Ваш отзыв нужен, как члена нашего Учёного Совета.

— Ну, ладно. До свидания.

— И мы с ним распрощались.

— Из оставшихся у меня двух экземпляров копий один я отправил в Иркутск Валерию Михайловичу с просьбой после прочтения передать в СибИЗМИР Климову и обещанием впоследствии прислать после официального утверждения оппонентов и ведущей организации переплетённые экземпляры.

— И вернулся домой.

А через десять дней опять в ИЗМИРАН - на майскую секцию. И не потому, что член секции, а на предзащиту Смертина.

Володя Смертин двигался к защите диссертации как танк. В нём странным образом сочетались неуверенность, которая совершенно не вязалась с его внушительным обликом, и упорство, настырность даже, вполне этому облику, соответствовавшее. В общем-то он

был склонен к нытью и брюзжанию, но недовольство своё редко выражал открыто, а больше за глаза, то ли от неуверенности в справедливости своего недовольства, то ли просто от трусости. И то, и то, наверное.

— Так было и во времена борьбы с Гостремом, за что Смертин не взлюбил Лёша Кочемировский, и позже, когда начался раскол с Латышевым: за его спиной Смертин с Лёнкой Захаровым чаще всех жаловались мне на него: не работает, мол, сам ни фига, только командует, - но в открытую ни раза оба не выступили.

— Самое же паршивое было то, что Смертин якшался с Бобарыкиным, часто выпивал с ним, зная, что я терпеть того не могу, и не только я, но и многие наши. Так я и не понял, что его к Бобарыкину тянуло. По рассказам Коренькова и Клименко они с Бобарыкиным и меня в Вильнюсе поносили в пьяных базарных разговорах.

— Я Володе часто выговаривал по поводу его моральной неустойчивости, особенно в первое время нашего с ним сотрудничества. Он не спорил (разве что в Ашхабаде один раз возник по пьяной лавочке, опять же в паре с Колей Бобарыкиным), соглашался даже, но, похоже, что вывод сделал такой - надо быть поосторожнее и Намгаладзе не сердить, раз он такой привередливый.

— За меня как научного руководителя он держался цепко и в меня верил. Работал много и добросовестно. Всё время перед собой вожделенную цель видел - диссертацию, и очень спешил её сделать. Ещё в начале лета 1978 года он начал подъезжать ко мне с намёками, что не пора ли, мол, ему писать диссертацию, много ведь уже наработал, статей достаточно. Вон другие на чём защищаются, на ерунде всякой... Я ответил совершенно определённо:

— Пока рано. До других мне дела нет. Другие пусть нахрапом прут, а я своей репутацией научного руководителя дорожу, и мне нужна стопроцентная уверенность в том, что твоя работа - стопроцентная кандидатская диссертация. А такая уверенность у меня появится, если ты решишь задачу с источником, то есть задачу о генерации реальных внутренних гравитационных волн авроральной электроструей, типа той, какую решили Ричмонд и Матсушита, но чтобы была новизна, нужно продвинуться дальше и исследовать зависимость параметров ВГВ от параметров источника.

— Володя, не прекословя, хотя и с унынием, подчинился, но огорчился недолго, а принял моё предложение как программу действий, которые осталось произвести, чтобы достичь желанной цели, и с удвоенной энергией взялся за её выполнение. К Медео (октябрь 1978 г.) была готова постановка задачи, в Мурманске (февраль 1979 г.) были представлены наши первые результаты по генерации ВГВ, а к Звенигороду (декабрь 1979 г.) намеченная программа была в основном выполнена, и я "дал добро" на написание диссертации.

— Володя рьяно взялся за этот решающий этап и быстро накаряпал, точнее, состряпал текст в основном из наших совместных статей, которые писал я один, ибо в литературном отношении Володя был совершенно беспомощен, порой даже безграмотен. Не забуду, как в своём первом отчёте он повсюду писал "леаниризованные уравнения" вместо "линеаризованные" (от слова линейный). Почти всё, что он написал в диссертации сам, было плохо, тяп-ляп, но Володю это не смущало. Он смиренно выслушивал мои замечания, спрашивал:

— А как лучше? - и тут же переделывал, записывая мои формулировки. Из всех наших он быстрее всех написал текст диссертации и небрежнее всех его оформил. Но работа сама по себе получилась крепкой кандидатской с большим даже запасом.

— Особенности Володиного характера ярко проявлялись на рыбалке. В последнее время как-то сложилось, что на рыбалки я ездил либо с Серёжей, либо с Володей и с Лёнкой. Рыбаком Смертин оказался заядлым. Ничуть не менее, пожалуй, чем Серёжа. Зато уж совершенно на него непохожим по своим манерам.

— Если Серёже, в сущности, не столь уж важно, куда ехать и что ловить, лишь бы ехать

куда-нибудь и ловить что-нибудь, то для Володи это вопрос первостепенной важности, и каждый раз он очень боится прогадать - поехать не туда, где нынче хорошо ловится.

— Результат для него - самое главное. Если Серёжа перед рыбалкой всегда в весёлом, бодром настроении предвкушающего удовольствия человека, то Володя - весь в сомнениях: а туда ли едем, а та ли погода, не испортится ли она, и будет ли клёв, и т.д., и т.п.

— В отношении снастей, насадки и вообще подготовки к рыбалке Серёжа - разгильдяй. Вечно у него то поводки перепутаны или кое-как привязаны с кучей узелков, то крючки тупые, то трубки на удилице не держатся, то стульчик не взял (если он вообще есть у него), то хлеб забыл, то червей паршивых накопал:

— А, там накопаем!

— Где это там?

— А, по дороге где-нибудь! - хотя знает, что по дороге навозные кучи не расставлены.

— У Володи же снасти всегда в отличном состоянии, полный набор насадок, удобные подставки для удочек, подсачек, экипировка с запасом на всевозможные варианты. И в процессе рыбалки он серьёзен, целеустремлён и неразговорчив, весь в деле. И не дай Бог, если у соседей дела идут лучше, чем у него: весь испереживается, начнёт суетиться, менять место, расспрашивать, какая насадка, какая глубина, и не успокоится, пока не догонит и не перегонит конкурента.

— Ловит он часто лучше других, но не всегда - ведь в рыбалке ещё и везенье много значит. Неудачи Володя переживает тяжело и всё ищет виновных:

— Я же говорил, не туда надо было ехать!

— Предзащита Смертина на секции прошла без сучка, без задоринки. Диссертацию рекомендовали к защите, и у Володи появились реальные шансы защититься ещё этой осенью. Отмечая событие, мы с Володей и Вадимом Ивановым, тоже в это время находившимся в командировке в ИЗМИРАНе, и с Юрой Ситновым крепко набрались вечером после секции, а утром Володя как начал нас опохмелять "абрикотином", так и провели за ним целый день в табачном дыму, не вылезая из номера.

— После того как в Норильске я выкурил одну сигарету в конце банкета, я стал позволять себе такое и вообще после выпивки, в стиле Саенко, который похвалялся, что всю неделю не курит, а каждую субботу после бани и маленькой смолит всюю и при этом считает, что вообще-то он не курит. Мне казалось, что теперь я уже отвык от никотина окончательно, и одна-две сигареты после рюмки меня не затянут вновь на несправедную дорогу. Ну, а за этот опохмелочный день я выкурил не одну-две сигареты, а пачку, как в былые времена. И на следующий день позволил себе одну сигарету. А там решил, что по одной сигарете в день вообще можно, не страшно. Или там по две.

— И через месяц я уже опять курил напропалую. Весь мой героический подвиг отвыкания и четырёхмесячное воздержание пошли насмарку. Сашуля мой срыв восприняла как личное оскорбление, как надувательство, и обиделась на меня буквально до слёз:

— Так обманул!...

— Я, в свою очередь, возмущался:

— Что я, нарочно, что ли? И в конце концов я никому торжественных обещаний не давал. Сам захотел - бросил. Теперь вот снова начал и ничего не могу с собой поделаться. Потом, может, опять брошу. Опыт уже есть.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)